

К. В. ЧИСТОВ

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ «ПЛАЧА О СТАРОСТЕ» И. А. ФЕДОСОВОЙ

В 1930 г. в очерке «На краю земли», вспоминая о народных песнях, былинах и причитаниях, А. М. Горький писал: «Разумеется, песни эти прошли цензуру и редакцию господ, которые вытравливали из них меткое гневное слово, вытравливали живую мысль и все, что пел, что мыслил крестьянин о своей трагической рабской жизни... Этот варварский процесс вытравливания, обезличивания народного творчества—насколько я знаю—не отмечен с достаточной ясностью историками культуры и нашими исследователями фольклора»¹.

В нашей фольклористике предпринимались отдельные попытки выяснения цензурной истории некоторых фольклорных текстов и целых сборников, извлечения из различных архивов записей, не опубликованных или переработанных собирателями или издателями и т. д.² Однако нельзя не признать, что в этом отношении до сих пор сделано еще крайне мало. Архивные фонды цензурных комитетов и управления, частные фонды собирателей и издателей ждут исследователей-фольклористов.

Особенно сложным представляется вопрос об изъятиях и переработках, предпринятых самими собирателями и издателями, опасавшимися цензурных преследований (например, в условиях, когда предварительная цензура была заменена карательной, т. е. после 1865 г.). В этой связи представляет интерес изучение материалов, относящихся к изданию «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» (т. I—III, М., 1872—1885), составленных большей частью из записей от И. А. Федосовой.

В книге «Народная поэтесса И. А. Федосова» мы имели уже случай высказать предположение, что в текстах сборника Е. В. Барсова имеются какие-то пропуски или изъятия, предпринятые им, по-видимому, по цензурным соображениям³. Однако никаких реальных доводов в нашем распоряжении не было, поэтому предположение было высказано белло и сформулировано кратко. В настоящее время обстоятельства несколько изменились и целесообразно вернуться к этому вопросу. Рассмотрим некоторые факты внимательнее.

Напомним, что в самих названиях, которые Е. В. Барсов дал двум текстам первого тома — «Из плача о писаре» и «Из плача о попе — отце духовном», — содержатся указания на их неполноту. Не случайно именно эти два плача помещены в самый конец тома⁴. Кроме того, в большинстве текстов первых двух томов собрания Е. В. Барсова (в 13 из 22 текстов, а для И. А. Федосовой — в 12 из 17) имеются целые строки точек, происхождение которых неясно. Заметим, однако, что в третьем томе, содержащем свадебные причитания, сравнительно далекие от социальных и политических проблем, подобных строк точек нет.

В первом томе насчитывается 34 строки точек, причем 7 из них встречаются в конце текстов, 10 — в конце отрывков (т. е. перед ремаркой, поясняющей последующий отрывок) и 17 — в середине текстов. Что же это за точки? Поиски подлинников записей до сих пор остаются безрезультатными; в фонде Е. В. Барсова, хранящемся в Государственном историческом музее в Москве, никаких следов полевых записей нет. Передал ли их Барсов какому-нибудь другому лицу (например, Т. И. Филиппову и

¹ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 17, М., 1952, стр. 243.

² См. работы Л. В. Домановского, Н. В. Новикова, В. Г. Базанова, Л. Н. Пушкирева и др. Содержательную сводку материалов по украинскому фольклору см. в статье Ф. И. Лаврова «Цензурні утиски та переслідування українського фольклору в царській Росії» («Українська народна поетична творчість», т. 1 — Дождовтнєвий період, Київ, 1958, стр. 171—204).

³ К. В. Чистов, Народная поэтесса И. А. Федосова, Петрозаводск, 1955, стр. 177, примеч. 2.

⁴ «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым», т. I, М., 1872, стр. 288 и 293. В оглавлении они именуются просто «Плач о писаре» и «Плач о попе — отце духовном».

П. Т. Виноградову, которые в 1890-е годы готовили новое издание текстов Федосовой) или они были просто уничтожены, установить не удастся.

Осторожность обязывает нас предположить, что в конце текстов издатель мог напечатать строки точек вовсе не из цензурных соображений. Причитания — сугубо лирический жанр; горестные чувства причитающей особенно нагнетаются именно к концу плача, образуя некое *crescendo*, которое не получает ни логического, ни стилистического разрешения. Можно думать, что Е. В. Барсов хотел показать условность конца текста, его незавершенность. С другой стороны, именно этот заключительный эмоциональный взлет мог порождать строки, наименее приемлемые с цензурной точки зрения (ср., например, финальную часть «Плача о старосте» и др.). Примерно так же можно было бы истолковать строки точек в конце отрывков, на которые членятся плачи; однако подобного объяснения для 17 случаев разрыва текста в середине у нас нет. Более того: можно ли считать простым совпадением тот несомненный факт, что из 10 случаев, когда строки точек падают на конец отрывков, в 7 речь идет о священниках. Не следует ли объяснить их не особой лирической настроенностью вопленицы, а вполне прозаическими опасениями преследований со стороны духовной цензуры, либо происхождением из среды духовенства и семинарским образованием самого Е. В. Барсова?

И, наконец, в некоторых текстах томов I и II встречаются случаи пунктуации, не объяснимые правилами ее, принятыми в 1870—1880-х годах. Нельзя их считать и обычными печатками. Так, в «Плаче о брате двоюродном» (т. I, стр. 198) строка точек продолжает прямую речь, причем кавычки так и остаются незакрытыми. То же можно отметить и в «Плаче о дяде двоюродном» (там же, стр. 225). В этом же плаче (стр. 230) другая строка точек оказывается сосчитанной при нумерации строк. В «Плаче о потопших» (стр. 267) предыдущая строка заканчивается многоточием. То же можно отметить еще в трех случаях: в «Плаче о упрясливой головушке» (стр. 282), в «Плаче о старосте» (стр. 286) и в «Плаче о попе — дце духовном» (стр. 298). В двух последних текстах, кроме того, встречаются по две строки точек (стр. 287 и 298). В единственном случае, встретившемся во втором томе («Плач о рекруте женатом», стр. 103), предыдущая строка «Еще станешь малым детям да выговаривать» кончается двоеточием. Что именно солдатка будет «выговаривать» своим детям, так и остается неизвестным.

Все это дает основание утверждать, что по крайней мере в 14 случаях (т. I, стр. 106, 123, 196, 198, 215, 220, 222, 230, 252, 280, 288, 297, 298; т. II, стр. 103) изъятия по цензурным соображениям не исключены.

Конечно, регистрируя подобные факты, мы многого не достигаем; потерянные строки тем самым еще не возвращаются. Однако наша уверенность в том, что изъятия действительно имели место, особенно укрепилась после того, как выяснилось, что одну из таких строк точек действительно можно расшифровать.

Во вступительной статье во втором тому «Причитаний Северного края» Е. В. Барсов на стр. XII—XIV против обыкновения процитировал строки, которые не удается отыскать ни в одном из текстов, опубликованных во всех трех томах его сборника. Это дало нам повод предположить, что в его распоряжении был текст, по неизвестным причинам оставшийся неопубликованным. Основываясь на фразе Барсова (стр. XII), предварявшей цитирование этих отрывков, мы назвали в свое время этот текст условно «Плачем о разорении Новгорода» и предложили его истолкование в свете «новгородских мотивов», играющих довольно значительную роль в некоторых других плачах И. А. Федосовой⁵. Однако это было ошибкой. Барсов цитировал эти строки не впервые. За девять лет до выхода в свет второго тома и через год после появления первого тома, т. е. в 1873 г., в статье «Об олонекском песнетворчестве», напечатанной в т. III «Записок Русского географического общества по Отделению этнографии», он привел те же самые отрывки, причем здесь в подстрочных примечаниях прямо заявил, что они взяты из «Плача о старосте». Думается, что этому указанию Барсова, да еще трижды настойчиво повторенному⁶, нет оснований не доверять, тем более, что во всех известных нам публикациях «Плача о старосте», осуществленных при жизни собирателя⁷, в одних и тех же местах имеются строки точек, по-видимому, указывающие на какой-то пропуск и вместе с тем разделяющие плач на три основные части: рассказ о приезде мирового посредника в деревню и о столкновении его с крестьянами; рассказ о поездке старосты в Повенец, об его аресте и смерти и, наконец, так называемое «проклятие судьям», особенно известное в связи с тем, что Некрасов процитировал его в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Не будем специально останавливаться на содержании и смысле «Плача о старосте» — он хорошо известен, перепечатывается во всех хрестоматиях и о нем много написано. Приведем отрывки, о которых идет речь, по тексту вступительной статьи к т. II (стр. XII—XIV), попутно отмечая разночтения по статье из ЗРГО, стр. 516—518:

⁵ См.: К. В. Чистов, Указ. раб., стр. 201—209.

⁶ См.: «Записки Русского географического общества по Отделению этнографии». Примечание к стр. 517: «Из плача о старосте»; к стр. 518: «Из плача о старосте» и «Оттуда же».

⁷ «Современные известия», 1870, № 212; «Олонекские губернские ведомости», 1870, № 62 (перепечатка без участия Е. В. Барсова); «Причитания Северного края», т. I, стр. 282—288.

«Таков, например, в высшей степени любопытный плач о том времени, когда „Новгород ведь был нераззоренной и ко суду были крестьяне не приведены”⁸.

Были людужки тогда да не штукавыи⁹,
 Не штукавы они были,— запростейшии;
 Как судьи да в тую пору не мо́лбды,
 Пожиты да мужики были почётныи,
 Настойсливы оны да правосудливы.

Самый суд происходил здесь „на церковном крыльце” и дела решались „перед образом”:

Буде што да в прежни вре́мена случалося¹⁰,
 Соберется три крестьянина хоть стоящих,
 Промеж ду-другом оны да рассоветуют,
 Как спасти да человека-то помиловать,
 По суду ли-то теперечко по божьему,
 По этим ли законам праведливыим.
 Тыи времечка прошли да невидаютца,
 Тыи годы скоротались, неслыхаютца.

Но вот

Наступили бусурманы превеликии,
 Разорили оны славный Новгород,

И с того времени быстро пошло заселение Обонежского края:

Все тут придались в подсиверну сторонушку,
 На званы острова да эти Кижские,
 Во славное во общество во Толвую.
 Построили здесь домовища,

Завели здесь торговлю и разбогатели:

Были добры и их кони иноходныи,
 Были славны корабли да мореходныи.

Но при всем своем богатстве долго не могли они забыть своей родины:

Как соберутся в божью церковь посвященную,
 О бладычном оны да этом праздничке,
 И прослужат там обиденку воскресную,
 И как выйдут на крылечико церковное,
 И как сглянут во подлетную сторонушку,
 Тут защемит их ретливое сердечушко,
 Сговорят оны ведь есть да таково слово:
 Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
 Там ведь прежняя, родима наша стóрона,
 Наша сла́вна стóронá Новгородская.

Любопытно, как сохраняются здесь самые предания и как глубоки симпатии заонежан к былому, древнерусскому быту; здесь они видят свои идеалы, по отношению к коим продолжают оценивать свое настоящее. Старики старо-древние говорят недоросткам мо́лбдым:

Послыхайте словеса наши старинныи,
 Заприметьте того, малы недоросточки!
 Уж как это сине морюшко сбшуется,
 На синем море волна да порасходится,
 Будут земскии вси избы испражнятися,
 Скрозекóзныи судьи да присылатися;

⁸ Статья в ЗРГО: «Но всего замечательнее то, что здесь донныне живо сохраняются еще воспоминания о тех прежних временах, когда „Новгород ведь был не покоренной, и ко суду были крестьяне не приведены”». Взятые в кавычках в обоих случаях напечатано без разделения на строки так же, как строки «Наступили басурманы...» и «Все тут придались...».

⁹ Т. е. бесхитростные (примечание наше.— К. Ч.).

¹⁰ Статья в ЗРГО: «случилося».

Все изменятся пустыни богомольны,
 Разорятся все часовенки спасеньи.
 Кругом-около робята обстолпилися,
 Как на этих стариков да оглядилися,
 Ихних рйчей недоростки, приослухались,
 Кои умны недоросточки, приметныи,
 Оны этии слова тут принимали,
 Об досюльных законах обстоятельных¹¹,
 Об досюльном житье Новгородском.
 Сволновалось сине славное Онегушко,
 Как вода с песком помутилася.
 Тут вспомнят-то ведь малы недоросточки:
 Теперь-нонь да времена-то те сбываются,
 Как у старых стариков было рассказано».

Итак, в пропущенных Барсовым строках (всего 51 строка) речь идет о новгородских временах. Такое обращение к историческим воспоминаниям было не вполне понятно, когда приходилось считать, что оно составляет основное содержание специального плача. Почему, собственно, заонежская крестьянка должна была в середине XIX в. оплакивать «новгородское разорение», произошедшее в XV в.? В контексте же «Плача о старосте» все становится на свои места. Резкая оценка настоящего, негодование против «судей неправосудных» — мировых посредников и других чиновников, проводивших в олонечских деревнях «реформу», которая имела столь тяжкие последствия для севернорусского крестьянства, — все это могло оживить воспоминания о Новгороде, способствовать формированию поэтического образа «досюльщины» — иллюзорного, в действительности никогда не существовавшего «золотого века». «Новгородские строки» были поэтическим обобщением протеста против современного Федосовой политического и экономического гнета, подобным легенде о происхождении горя на земле, включенной в «Плач о писаре».

Вполне естественно поэтому предположить, что пропущенные строки следовали за эпизодом изгнания мирового посредника из деревни или, точнее, за стихами, в которых крестьяне после отъезда посредника, расходясь со сходки, ругают его и всех «судей неправосудных» (стихи 101—119 на стр. 283—286 от стиха «Мироеды мировые эти посредники» до стиха «Без исусовой молитвы намолилися»).

Именно после этих стихов в тексте «Плача о старосте» стоит строка точек, указывающая на какой-то разрыв в тексте, а последняя строка процитированного отрывка заканчивается многоточием.

Можно отметить и другие моменты, прочно связывающие «новгородские строки» с предыдущим текстом. После отъезда посредника крестьяне собираются в ближайшее воскресенье около церкви после обедни и, вспоминая о случившемся, рассуждают о настоящем и прошлом. В исключенных Барсовым отрывках получает развитие и завершение поэтическая тема взбушевавшегося озера, которая все время сопутствует образу «судьи неправосудного». Оно истолковывается здесь как осуществление предсказания стариков о «нарушении» старых порядков.

Если действительная принадлежность «новгородских строк» «Плачу о старосте» и их место в тексте «Плача» не вызывают сомнения, то значительно сложнее вопрос о том порядке, в каком их следует расположить. Последовательность, в которой Барсов их приводит, не обязательно соответствует их действительной связи и взаимному положению. Более того: мы не знаем, все ли пропущенные строки оказались опубликованными. Сопоставление отрывков в свете обычных поэтических законов причети и индивидуальных особенностей импровизации и сюжетосложения у И. А. Федосовой позволяет предложить определенную реконструкцию этой части текста. Разумеется, она не может не быть гадательной до тех пор, пока не будут обнаружены какие-то новые документы, связанные с «Плачем о старосте»¹².

Возникает вопрос: почему же Е. В. Барсов не опубликовал «Плач о старосте» полностью ни в 1870, ни в 1872 г.? Известно, что до 1870 г. он воздерживался от публикации текстов, записанных в 1867—1868 гг. и вошедших впоследствии в «Причитания Северного края». От этого правила Барсов отступил только однажды. Вскоре после переезда из Петрозаводска в Москву, в 1870 г., он опубликовал в газете «Современные

¹¹ В тексте в ЗРГО «постоятельных», что, по-видимому, вернее. «Постоятельных» здесь в смысле: постоянных, давних, неизменных (см.: В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, М., 1953, стр. 343).

¹² Эта реконструкция включена в последнюю нашу публикацию текста «Плача о старосте». (См. «Причитания», Большая серия «Библиотеки поэта», изд. 2-е, Л., 1960, стр. 53—58. По условиям издания мы не могли дать там развернутое обоснование принадлежности «новгородских строк» «Плачу о старосте» и места их в тексте).

известия» заметку «Олонедкая плакальщица», в приложении к которой печатался «Плач о старосте». «Плачу» была посвящена и специальная передовая, написанная, вероятно, издателем газеты Н. П. Гиляровым-Платоновым, содержащая несколько запоздалые выпады против института мировых посредников, учрежденного еще в 1861 г. и в 1873 г. уже упраздненного. В связи с тем, что газета стремилась придать «Плачу» необходимый ей смысл, следует полагать, что купюры, о которых идет речь, были результатом воздействия на Барсова издателя газеты, не хотевшего, чтобы публикация приобрела излишнюю остроту.

Вероятно, после этого Барсов пришел к выводу, что публикация «Плача о старосте» в полном виде небезопасна. По цензурному уставу 1865 г. том первый, как книга научного содержания объемом более 10 печатных листов, не подлежал предварительной цензуре, и всю ответственность (и юридическую, и материальную) Барсов должен был взять на себя. Нам не известны факты, которые говорили бы об особой склонности издателя «Причитаний Северного края» к риску. С другой стороны, сборник издавался в условиях, весьма затруднительных для Барсова в финансовом отношении. Краткосрочная ссуда, полученная им от Общества Любителей Российской Словесности, чрезвычайно тяготила его¹³, и второй том он смог издать только через десять, а третий через пятнадцать лет после первого. И, наконец, не подлежит сомнению, что в 1870—1880-е годы Е. В. Барсов, и прежде не отличавшийся особенным радикализмом, но все же испытывавший какие-то воздействия демократических настроений начала 1860-х годов, все более и более правел. Вероятно, по всем этим, а может быть, и еще по каким-то другим причинам, в состав первого тома он включил «Плач о старосте» без «новгородских строк». И все же ему, по-видимому, хотелось уберечь их от забвения. В дни, когда заканчивалось печатание первого тома¹⁴, 30 апреля 1872 г. на заседании Общества Любителей Российской Словесности Е. В. Барсов прочитал доклад, текст которого был в 1873 г. опубликован в ЗРГО под заглавием «Об олонедком песнетворчестве», где и приводились эти строки. Нам неизвестно, сообщалось ли в докладе, откуда заимствованы отрывки, но, как мы уже указывали, в печатном тексте статьи, увидевшей свет после появления первого тома «Причитаний», настойчиво подчеркивалось, что они имеют отношение к «Плачу о старосте», опубликованному в этом томе. В 1882 г. Барсов снова напечатал эти строки на страницах предисловия ко второму тому, несмотря на то, что к рекрутским причитаниям они никакого отношения не имели. Вместе с тем нельзя не заметить, что и в контексте статьи в ЗРГО, и во вступлении ко второму тому «новгородские строки» теряли свою социальную остроту.

В статье «Об олонедком песнетворчестве» они приведены в подтверждение приверженности жителей Олонедкой губернии новгородской старине. Во вступлении же ко второму тому Барсов обращал внимание читателей на наличие у различных народов плачей о разоренных городах (Троя, Царьград, Иерусалим и др.) и сопоставлял их с русскими плачами (извлеченными им из письменных памятников) о разорении Москвы, Ростова, Пскова и Новгорода. Страницы VIII—XIV, на которых все это излагается, довольно искусственно вклинены между рассуждениями о «завоенной», т. е. рекрутской, и солдатской причети. Это обстоятельство не сразу бросается в глаза только потому, что статьи Барсова вообще большей строгостью построения не отличались.

Итак, «Плач о старосте» пополняется полсотней стихов, которые должны заменить строку точек, привычную по первому тому «Причитаний Северного края». Можно спорить о том, как расположить «новгородские строки», строить различные догадки о том, насколько они полны, не осталось ли что-нибудь еще в черновиках Е. В. Барсова и, особенно, не затерялись ли стихи, которые должны были заменить две строки точек, поставленные собирателем между второй частью и «проклятием судьям», а может быть, и строку точек в конце текста. Но как бы ни решались все эти вопросы, факт пропуска составителем «Причитаний Северного края» целого отрывка несомненен. Отсюда следует, что указание собирателя на неполноту двух публикуемых им «Плачей» (см. стр. 126 нашей статьи) и многочисленные строки точек, рассекающие или завершающие печатные тексты, далеко не случайны. Они подтверждают наше предположение о возможности подобных купюр по цензурным причинам и в других текстах томов I и II «Причитаний Северного края».

¹³ См., например, письмо Е. В. Барсова к И. И. Срезневскому от 1 октября 1872 г. в книге «Народная поэтика И. А. Федосова», стр. 114.

¹⁴ Он поступил в продажу в мае—июне 1872 г. В первом по времени печатном отклике на сборник, опубликованном в июньском номере журнала «Грамотей», отмечено: «На днях отпечатаны Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым» (стр. 31).